

БРОНЗОВЫЙ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920 - СЕРЕДИНЫ 1960-ЫХ ГОДОВ

Исследование бронзового и раннего железного веков Центральной Азии имеет почти трехсотлетнюю историю. Первые раскопки одного из типов памятников этих эпох, плиточных могил, были осуществлены в 1835 г. участниками Великой академической экспедиции 1833-1843 гг. Г.Ф. Миллером, И.Г. Гмелиным и студентом Горлановым в хоринских степях на территории Бурятии. Тогда же впервые Г.Ф. Миллер отметил наличие на скалах по Джиде и Темнику наскальных рисунков, нанесенных охрой (Миллер, 1937: 517-519, 536). С тех пор представителями многих поколений ученых России, а затем и Монголии были выявлены и изучены самые разные, кроме плиточных могил, памятники рассматриваемых эпох - херексуры, оленные камни, разнообразные курганные захоронения, наскальные рисунки - петроглифы, разные типы поселений, памятники горного дела и металлургического производства, огромное количество случайных находок. Их изучением и введением в научный оборот занимались исследователи из Российской академии наук, Императорского РГО И.И. Георги, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, В.А. Обручев, А. Н. Казнаков и др., члены отделов и отделений ИРГО в Забайкалье (Троицкосаско-Кяхтинского отделения ПО ИРГО, Читинского отделения ПО ИРГО) Ю.Д. Талько-Грынцевич, А.К. Кузнецов и др., а также представители забайкальского краеведения В.Н. Паршин, Н.К. Баженов, Д. Давыдов, М. Нестеров, Н.В. Кириллов, П. А. Ровинский и др. В дореволюционный период памятники бронзового и раннего железного веков привлекли внимание и некоторых зарубежных ученых - М. А. Кастрена, Г.К. Гейкеля, Пропеллера.

Перечисленные выше исследователи проделали огромную работу по созданию источникового фонда практически по всем типам памятников бронзового и раннего железного веков Центральной Азии в пределах Южного Забайкалья и Монголии. Ими были предприняты и первые попытки их научного осмысления. Так, Ю.Д. Талько-Грынцевич высказал предположение о существовании в Забайкалье после каменного века медной эпохи, которая сменилась пришедшей из Китая эпохой бронзы и железа (Талько-Грынцевич, 1900а: 63).

Плиточные могилы исследователь выделил в отдельную группу и синхронизировал с хуннскими памятниками, считая их создателей, по сравнению с хуннами, народом низшей культуры (Талько-Грынцевич, 1900: 63; 1928: 9). Херексуры ошибочно были отнесены к каменному веку (Талько-Грынцевич, 1900а: 62; 1928: 3). Г. Н. Потанин и Ж. Гранэ очертили круг вопросов по изучению оленных камней, классифицировали их на группы и рассмотрели семантику стел (Потанин, 1885:52-53; Grano, 1912:35-39,42-46). Как отметил Д. Г. Савинов, результаты этих исследователей по изучению данных памятников сохраняют определенное значение вплоть до настоящего времени (Савинов, 1990:107-108).

С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что высказанные первыми исследователями Центральной Азии предположения соответствовали уровню представлений археологической науки того времени. Но источниковедческая ценность собранных ими материалов сохраняет свое значение и в наши дни, о чем свидетельствует широкое их использование в трудах современных исследователей. Таким образом основным достижением дореволюционного этапа в изучении памятников бронзового и раннего железного веков северной части Центральной Азии были сбор материалов, выявление основного круга памятников и, в конечном итоге, создание источникового фонда. Без этого этапа был бы невозможен следующий период научного осмысления в изучении бронзового и раннего железного веков региона, который начался после Октябрьской революции.

В 1920-е гг. изучением древней истории как Забайкалья, так и в Монголии стали заниматься профессиональные археологи. Они положили начало научно-обоснованной оценке материалов, собранных за все предшествовавшее время с 30-х гг. XVIII в. Начало этому процессу положил Г.И. Боровко во время обследования среднего течения р. Толы в период посещения Монголии после сенсационных открытий Монголо-Тибетской экспедиции ГГО в горах Ноин-Ула в Северной Монголии курганов высшей знати центральноазиатских гуннов. Г.И. Боровко впервые дал

типологическую классификацию погребальных памятников Монголии и выделил плиточные могилы из общей массы северомонгольских и южнозабайкальских памятников в особую культурную группу, дал их общую характеристику, наметил предварительную классификацию и датировал скифским временем (Боровко, 1927: 54-63). К этому же периоду он отнес некоторые из наскальных рисунков в местности Ихэ-Алык и Дурбельджи (Там же: 78), Также скифским временем были датированы оленные камни (Там же: 82-83). Значительное внимание Г.И. Боровко уделил херексурам, которые датировал тюркским временем, VI-VIII вв. н.э. Основанием для этого послужила ошибочная привязка кургана тюркского времени к группе херексуров на восточной оконечности горного кряжа Хайрхан у Наймтэ-суме (Там же: 72-76).

В 1928-1929 гг. широкие полевые исследования археологических памятников в Южной Бурятии осуществила Первая Бурят-Монгольская археологическая экспедиция АН СССР под руководством Г.П. Сосновского (Сосновский, 1928, 1930, 1936). Экспедиция произвела раскопки самых разных типов памятников на территории Бурятии в долинах Селенги и ее притока Чикоя. Тщательно были изучены и коллекции местных музеев, особенно Кяхтинского краеведческого музея, созданного на основе музея ТКО ПО ИРГО, основанного еще в 1890 г. местными краеведами и ставшего после открытия ТКО ПО ИРГО вспомогательным, наряду с библиотекой, учреждением отделения географического общества. Результаты проведенной работы позволили Г.П. Сосновскому впервые выделить памятники бронзового века в регионе и создать их периодизацию. Разработанная им периодизация включала периоды энеолита, средней и поздней бронзы. Энеолитический период в Селенгинской Даурии, синхронный афанасьевскому времени в Минусинской котловине, Г.П. Сосновский охарактеризовал по материалам Нижнеберезовской стоянки в окрестностях Улан-Удэ. Энеолитическое население занималось, по его мнению, преимущественно охотой и рыболовством, однако в это время появляется скотоводство (Сосновский, 1933).

Памятники ранней бронзы, одновременные андроновским Среднего Енисея, в Забайкалье не были обнаружены (Сосновский, 1933а: 19). К этапу средней бронзы, соответствующему карасукской эпохе Минусинской котловины, Г.П. Сосновский отнес многочисленные случайные находки бронзовых изделий карасукского типа, литейные формы, выделенный им тологойский тип могил, несколько погребений, раскопанных инженером Б.Н. Артемьевым в Мельничном логу (Попов, 1926), доктором Филлером у г. Нерчинска и Ю. Д. Талько-Грынцевичем у Шаманского камня. Население среднего бронзового века, по мнению Г.П. Сосновского, занималось охотой и скотоводством, являвшимися основой их хозяйства, и находилось на той же стадии общественного развития, что и их енисейские современники - носители карасукской культуры. Происходило становление патриархального общества и наметилась имуществен-

ная дифференциация между отдельными семейно-родовыми группами. Поздний бронзовый век был датирован исследователем VI - IV вв. до н.э., но памятники этого периода не были рассмотрены и даже не были очерчены в предварительной форме (Сосновский, 1933а: 15-18). Он осуществил это несколько позже, осветив памятники данного периода, плиточные могилы, в двух статьях и скорректировал свои взгляды на разработанную им периодизацию эпохи бронзы. В конце 1920-х гг. характеристике бронзовых изделий карасукского типа Забайкалья посвятил одну из своих статей М.П. Грязное, показавший их особенности по сравнению с минусинскими (Грязнов, 1929).

БМАЭ произвела раскопки 50 плиточных могил, которые дали богатые материалы по этим памятникам. Они позволили Г.П. Сосновскому дать более развернутую и обоснованную их характеристику, чем у Г.И. Боровко. Он создал типологическую классификацию плиточных могил, в которой выделил три типа памятников: 1 - могилы с высокой прямоугольной оградой, по углам более высокие камни (маяки); 2 - могилы с более низкой четырехугольной оградой, окруженной плоской каменной насыпью (прямоугольные могилы) и 3 - фигурные могилы (Сосновский, 1941: 274; 1940: 36). Г.П. Сосновский описал характерные черты расположения плиточных могил на местности, особенности внутренней планировки могильников: расположение могил рядами, вытянутыми либо с севера на юг, либо с востока на запад, бессистемное расположение небольшими группами и, наконец, одиночные погребения (Сосновский, 1940:36,41; 1941: 282,297,299 и др.). На ряде могильников Забайкалья им была отмечена встречаемость плиточных могил с херексурами (Сосновский, 1941:282-283,286, 290-291,293,295,299). Г.П. Сосновский кратко, но емко описал захоронения и инвентарь по выделенным типам могил и дал обстоятельную публикацию материалов раскопок (Сосновский, 1940:37-38; 1941:273-308).

Общие хронологические рамки существования плиточных могил Г.П. Сосновский определял в пределах VII-II или VI-II вв. до н.э., т.е. скифским временем (Сосновский, 1940:40; 1941: 308). При этом он уже не применял к этому периоду древней истории Забайкалья термин «поздний бронзовый век», а называл это время эпохой ранних кочевников (Сосновский, 1940). На основе корреляции инвентаря и конструкции плиточных могил Г. П. Сосновский разработал их внутреннюю периодизацию. Могилы 1 типа были датированы VII-IV или VI-III вв. до н.э., а 2 и Этапов- III-II вв. до н.э. (Сосновский, 1940:40; 1941:307, 308). По мнению ученого основным хозяйственным занятием населения культуры плиточных могил было скотоводство с сезонным кочеванием. В состав стада входили лошадь, овца, корова. Охота занимала второстепенное значение, являясь подробным промыслом. Г.П. Сосновский отметил, что прямых указаний на существование земледелия при раскопках плиточных могил не встречено. Металлические изделия и керамика свидетельствовали об обработке

металла, производстве глиняной посуды носителями культуры. Скот использовался для передвижения, было развито всадничество (Сосновский, 1940:41-42; 1941:308). Уровень общественного развития характеризовался процессом распада первобытнообщинного строя (Сосновский, 1940:42).

Таким образом, Г.П. Сосновский дал достаточно обстоятельную и всестороннюю характеристику эпохи ранних кочевников в Забайкалье по материалам плиточных могил. Он выделил их в отдельную археологическую культуру («культурный этап») и установил ее хронологическое место между карасукской и гуннской эпохами (Сосновский, 1940:36; 1941:274,308). В осторожной форме он высказал идею о возможности преемственности между культурой плиточных могил и хуннами (Сосновский, 1941:308). Наконец, нельзя не отметить, что именно Г.П. Сосновскому принадлежит заслуга привязки оленных камней к погребальным комплексам Центральной Азии и Южной Сибири. Оленные камни были синхронны, по его мнению, плиточным могилам I типа VI-III вв. до н.э. (Сосновский, 1941:307-308) или VII-IV вв. до н.э. (Сосновский, 1940:40).

Во время работ в Забайкалье Г.П. Сосновский осуществил и незначительные раскопки херексуров в пади Енысей (Сосновский, АрМ, № 8), однако каких-либо находок, позволивших датировать памятники, обнаружено не было. Видимо по этой причине он не опубликовал свою точку зрения на датировку этих памятников. Только благодаря Г.Ф. Дебецу стало известно, что Г.П. Сосновский на основании типологической близости забайкальских херексуров к тувинским датировал их также скифским временем (Дебеч, 1948:118-119). Таким образом, в 1920-30 гг. во взглядах Г.И. Боровко и Г.П. Сосновского сформировались две взаимоисключающие точки зрения на датировку херексуров - скифским и тюркским временем. В целом Г.П. Сосновский внес основополагающий вклад в создание периодизации бронзового и раннего железного веков Забайкалья. Результаты его работ на многие десятилетия определили развитие забайкальской археологии по этим эпохам.

Таким образом, в течение 1920-1930-х гг. благодаря усилиям Г.И. Боровко и Г.П. Сосновского впервые достаточно четко были определены и датированы памятники рассматриваемых эпох на территории Забайкалья и Монголии. Вместе с тем в эти годы обозначились разные подходы к изучению некоторых памятников этих областей Центральной Азии. Взгляды Г.И. Боровко и Г.П. Сосновского относительно датировки херексуров, одного из самых эффективных и многочисленных памятников, принципиально различались.

В течение 1930 - первой половины 1940-х гг. как в Забайкалье, так и в Монголии темпы работ по изучению памятников бронзового и раннего железного веков несколько ослабли. Исследования носили в основном разведочный характер и были ориентированы на сбор подъемного материала. Раскопки памятников производились в ограниченном объеме.

Такие работы в Монголии проводили Д.Д. Букиннич и Х. Пэрлээ (Букиннич, АрМ, № 1-5), а в Забайкалье и Прибайкалье - М.М. Герасимов, Г.П. Сергеев, Э.Р. Рыгдылон, П.С. Михно и С.А. Успенский, П.П. Хороших (Герасимов, 1941; Рыгдылон, АрМ, № 6; Сергеев, АрМ, № 7; Хороших, 1924).

После Великой Отечественной войны в Монголии и Забайкалье почти одновременно начинают работать две крупные экспедиции по изучению древностей этих огромных регионов. Их возглавили авторитетные и известные исследователи археологии Сибири - член-корреспондент АН СССР С.В. Киселев и впоследствии академик А.П. Окладников (Киселев, 1947:356; Окладников, 1948:108; 1950; 1951:444). Во второй половине 1950-х гг. экспедиция С.В. Киселева перенесла работы на территорию Восточного Забайкалья на юге Читинской области. Одним из направлений деятельности обеих экспедиций было изучение бронзового и раннего железного веков. Предварительные результаты этих работ были опубликованы.

С.В. Киселев, тщательно проработав все собранные в музеях страны и Ученом комитете Монголии материалы по эпохе бронзы и раннего железа, обобщил их в статье «Монголия в древности» (Киселев, 1947). В ней были выделены материалы эпохи бронзы, отмечена их близость к ордосским бронзам и бронзовым изделиям карасукской культуры Южной Сибири. Тогда впервые была сформулирована гипотеза об участии центральноазиатского населения эпохи развитой бронзы в формировании карасукской культуры Минусинской котловины. С.В. Киселев связывал этот процесс с вытеснением «варварских» динлинских племен из Северного Китая древнекитайскими племенами в период формирования Иньского государства и их миграцией в XIV-XII вв. до н.э. на север и северо-запад до Прибайкалья и Минусинской котловины (Киселев, 1947:360-361; 1949:84-86,105-106).

Относительно плиточных могил С.В. Киселев в целом поддержал основные выводы Г.П. Сосновского по их классификации, датировке и исторической интерпретации, связи с ними оленных камней, стоявших по углам оградок. Интересна мысль С.В. Киселева о сопоставимости плиточных могил I типа (маяков) с раннетагарскими памятниками Минусинской котловины (Киселев, 1947:362; 1954:49-50). Он высказал предположение о том, что могильники данной культуры представляли собой родовые кладбища, а цепочка могил - места погребения семьи и ближайших родственников (Киселев, 1954:50-51).

Многолетние работы второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова в Забайкалье дали новые материалы и по бронзовому веку. В целом результаты исследователя по их осмыслению существенно обогатили наши знания об этой эпохе. Одним из важных итогов полевых исследований стало выявление на Нижнеберезовском поселении в окрестностях Улан-Удэ культурного слоя позднего бронзового века, содержавшего бронзовые изделия карасукских типов, и захоронения с кинжалом карасукского типа на Фофановском могильнике в

низовьях Селенги (Окладников, 1950а: 305; 1951:323). Ранее изделия карасукских типов происходили только из числа случайных находок или из погребений, раскопанных не специалистами. К памятникам бронзового века были отнесены и плиточные могилы, раскопанные в большом количестве по долинам Селенги и ее притоков.

Представленная в работах А. П. Окладникова характеристика находок из плиточных могил и проведенный исследователем анализ общественного строя населения, оставившего их, в целом близки взглядам Г.П. Сосновского (Окладников, 1954: 23-24; 1956: 83-87). Однако он выдвинул и ряд новых положений. Так, рассматривая типологию плиточных могил, А.П. Окладников предложил иную классификацию, которая выглядит следующим образом: 1) прямоугольные оградки из вертикально поставленных плит, высотой до метра и более; 2) плоские могилы с вогнутыми сторонами и выступающими наугольниками по концам (Окладников, 1949:10). Датируя основную часть плиточных могил скифским временем и даже частично началом I тыс. до н.э., А.П. Окладников высказал предположение о возможности отнесения части плиточных могил ко второй половине II тыс. до н.э. и возникновении этих памятников в середине II тыс. до н.э. (Окладников, 1959:126). Специальную статью он посвятил триподам, показав их связь с плиточными могилами. Появление в них этих сосудов было обусловлено, по его мнению, культурно-историческими связями населения данной культуры с оседлыми цивилизациями Восточной Азии, Древним Китаем (Окладников, 1959).

Временем культуры плиточных могил А.П. Окладников датировал наскальные рисунки, нанесенные охрой (Окладников, 1948:295; 1952), и дал им название «петроглифов селенгинского типа» (Окладников, Запорожская, 1969, 1970). В блестящей статье об Иволгинском оленнем камне А.П. Окладников разделил все оленные камни по внешнему виду на три группы: цилиндрические столбы; прямоугольные в сечении изваяния и широкие плиты, иногда с косо срезанной вершиной. Публикуемую стелу с р. Иволги он отнес к третьей группе. А.П. Окладников привел многочисленные аналогии изображениям на оленных камнях из археологических памятников скифского времени различных районов евразийских степей от Южной Сибири до Причерноморья и датировал Иволгинский камень, а вместе с ним и третью группу подобных изваяний в целом VII-V вв. до н.э. Оленные камни, по его мнению, представляли собой погребально-поминальные памятники, поставленные в честь определенного умершего лица. В культурном отношении он связал стелы, подобные Иволгинской, с населением культуры плиточных могил (Окладников, 1954а: 219-220).

В отношении исторической судьбы плиточников А.П. Окладников не видел преемственных связей между населением данной культуры и хунну. По его мнению хунну в Забайкалье были завоевателями и в III-II вв. до н.э. вытеснили плиточников в Прибайкалье, в Кудинские

степи (Окладников, 1956:90-91; 1955:10; 1955а: 193-196). Впервые в изучении этой культуры А.П. Окладников поставил вопрос об этнической принадлежности ее населения, высказав предположение о возможном его участии в этногенезе бурят (Окладников, 1954б).

Итоги исследований памятников степных районов Забайкалья А.П. Окладников обобщил в двух крупных работах: в I томе «Истории Бурят-Монгольской АССР» (Окладников, 1954) и томе «Народы Сибири» серии по этнографии народов мира (Окладников, 1956). Их содержание оказало огромное влияние на последующее изучение памятников степной бронзы Забайкалья.

В начале 1950 г. материалы плиточных могил были рассмотрены Л.Р. Кызласовым. Он датировал их скифским временем и отметил связи данного населения с другими группами населения евразийских степей VII-III вв. до н.э. (Кызласов, 1954:207; 1955:259). Тогда же Л.Р. Кызласов и А.Х. Маргулан сочли возможным расширить территорию распространения культуры плиточных могил за счет включения в нее Центрального Казахстана, где к тому времени были исследованы первые памятники бегазы-дандыбаевской культуры. Памятники типа оград Бегазы были интерпретированы как наиболее западный локальный вариант культуры плиточных могил (Кызласов, Маргулан, 1950:135-136). Необоснованность этого предположения позже была показана М.П.Грязновым (Грязное, 1952:158,159). Л.Р. Кызласову принадлежит и единственная в своем роде попытка привязки носителей культуры плиточных могил к древним племенам, известным из древнекитайских летописей под этнонимом «синьли» (Кызласов, 1992:46).

Последующая разработка проблемы культуры плиточных могил была связана с более глубоким осмыслением результатов работ экспедиций С.В. Киселева и А.П. Окладникова, предпринятым их учениками. Так, Н.Н. Диков провел большую работу по обобщению разнообразного и разнохарактерного материала по бронзовому веку Забайкалья и опубликовал монографию, на долгое время ставшую настольной книгой для специалистов, занимающихся памятниками эпохи поздней бронзы и раннего железного века в восточной части евразийских степей (Диков, 1958). В ней исследователь уделил значительное место характеристике, анализу и интерпретации подъемных материалов и находок из плиточных могил. Н.Н. Диков выделил период ранней бронзы и датировал его в соответствии с существовавшими представлениями концом II тыс. до н.э. Тогда, по его мнению, в Забайкалье зародилась металлургия, в погребениях низовий Селенги появляются листовидные медные ножи (Там же: 56). Период средней бронзы в степном Забайкалье был выделен им по находкам бронзовых изделий карасукского типа и датирован X-VIII вв. до н.э. По его мнению в самом конце средней бронзы могли появиться наиболее ранние из плиточных могил (Там же: 56-57, см. Приложение X^o 4 - 1). Вслед за А.П. Окладниковым, Н.Н. Диков датировал средним бронзовым веком наскальные рисунки, нанесенные красной охрой (Там же: 46-48).

Н.Н. Диков более подробно и обстоятельно, чем его предшественники, рассмотрел и проанализировал плиточные могилы. Он уточнил территорию их распространения, указав несколько обособленных районов - в предгорьях Наш. - Шаня и прибайкальских степях (Диков, 1958: 25), выделил локальные особенности плиточных могил Западного и Восточного Забайкалья (Там же: 26, 30-31), что не получило подтверждения в более поздних исследованиях. Что же касается датировки, то его выводы не отличались от заключений Г.П. Сосновского и укладывались в пределах VII-II вв. до н.э. На основе анализа инвентаря Н.Н. Диков выделил два этапа в развитии культуры плиточных могил: I тапхарский (улан-субуктуйский) VII-VI, «а может быть и VIII-VI» вв. до н.э.; II саянтуйский V-II вв. до н.э. (Там же: 37-42,53). Оба этапа были отнесены к позднему бронзовому веку, который, согласно такой интерпретации Н.Н. Дикова, закончился в Забайкалье только ко II в. до н.э. (Там же: 57). Вопрос об абсолютной датировке фигурных могил был оставлен исследователем открытым (Там же: 33).

Специальный раздел монографии был посвящен оленным камням. Н.Н. Диков предложил классифицировать оленные камни исходя из стиля изображений, на основании чего выделил две основные группы стел: 1) камни с «натуралистическими выполненными изображениями оленей и лошадей»; 2) «камни с орнаментально стилизованными изображениями оленей (с мордой наподобие птичьего клюва)». При этом он отметил, что камни I группы в Забайкалье неизвестны. Обе группы оленных камней он датировал в целом VII-Швв. ДО н.э. (Диков, 1958:45). Забайкальские оленные камни Н.Н. Диков, вслед за предшественниками, отнес к культуре плиточных могил. Часть этих памятников с орнаментально-стилизованными изображениями оленей и без них относилась, по его мнению, к позднему бронзовому веку, который в Забайкалье совпадал со скифским временем, а стелы «в виде грубых скульптурных изображений человека» принадлежали раннему железному веку, к которому относились и самые поздние плиточные могилы (Там же: 44,46).

Н.Н. Диков рассмотрел хозяйственные занятия, общественный строй, религию, культурные связи и этническую принадлежность населения Забайкалья в бронзовом веке (Диков, 1958: 57-70). По его мнению культура плиточных могил в Забайкалье сложилась на местной основе, материальная культура которой была представлена лишь случайными находками карасукского времени (Там же: 56, 57). Н.Н. Диков, как и А.П. Окладников, не видел культурно-генетических связей между плиточными могилами и хуннскими памятниками (Там же: 69,70).

В конце 1950 - начале 60 гг. В.Е. Ларичев в ряде статей рассмотрел вопрос о происхождении культуры плиточных могил в Забайкалье. По его мнению, она сложилась в результате продвижения на территорию Забайкалья населения из Северо-Восточного Китая - Дунбэя, оставившего там поселения и могильники с каменными ящиками, впущенными в ямы (Ларичев,

1959:88,93; 1959а: 63-73; 1960:20-21; 1961:23). В эти же годы вышло несколько статей М.И. Рижского и Р.В. Чубаровой, Е.А. Хамзиной, Л.А. Евтюховой и Н.А. Тереховой с описанием материалов раскопок плиточных могил в Забайкалье и Посольской стоянки в низовьях Селенги (Рижский, Чубарова, 1958; Хамзина, 1960; Евтюхова, Терехова, 1965).

Материалы бронзового и раннего железного веков Монголии получили обобщение в серии статей и монографии В.В. Волкова (Волков, 1961, 1962,1964, 1964а, 1967; Волков, Новгородова, 1960). Он провел огромную работу по их сбору и классификации. Исследователь типологически выделил из материалов развешанных стоянок Гобийской зоны и северных лесостепных районов Монголии находки эпохи ранней бронзы, синхронной афанасьевской и глазковской культурам Южной Сибири и Прибайкалья (Волков, 1967:10-12), а также материалы эпохи поздней бронзы, синхронной карасукскому времени Южной Сибири. В.В. Волков разработал детальную типологическую классификацию монгольских материалов (Волков, Новгородова, 1960; Волков, 1964; 1967:12-22,25-28). На основании находок фрагментов литейных форм, шлака и кусочков бронзы он обосновал вывод о существовании очага металлургического производства в Монголии в карасукское время (Волков, 1967:29).

Обобщающий анализ материалов по раннему бронзовому веку Монголии позволил В.В. Волкову сделать вывод о делении ее территории на две большие зоны: северную и южную. Южная зона была связана с дюнными стоянками южных гобийских районов с расписной керамикой, сопоставимой с комплексами Маньчжурии и Синьцзяна. Хозяйственный уклад древних обитателей Гоби был связан с широким развитием собирательства и, возможно, с зачатками земледелия, о чем свидетельствовало огромное количество зернотерок, курантов и пестов (Волков, 1967: 10-11). Северная зона была связана со степными и лесостепными районами севера Монголии. Керамика со стоянок этой зоны характеризовалась гребенчатой орнаментацией, наиболее близкой к энеолитической посуде Тувы и афанасьевской керамике Минусинской котловины. Туда же вводили аналогии каменному песту с навершием в виде головы быка. Эти данные свидетельствовали о большей близости степного и лесостепного населения Монголии к Южной Сибири (Волков, 1967:11-12).

Во второй половине II - начале I тыс. до н.э. в Монголии по представлениям В.В. Волкова была распространена культура, характеризующаяся бронзовыми изделиями карасукского типа из числа случайных находок. Ее население могло участвовать в сложении карасукской культуры Южной Сибири. Таким образом исследователь поддержал точку зрения С.В. Киселева на данную проблему (Волков, 1967: 29, 34).

В.В. Волков подробно рассмотрел материалы по раннему железному веку Монголии, который, в отличие от эпохи бронзы, был представлен не только случайными находками, но и погребальными

памятниками в виде плиточных и фигурных могил, курганов, характерных для саяно-алтайского региона, херексуров, а также петроглифами. Перечисленные памятники были датированы скифским временем. Была дана краткая характеристика основных особенностей этих памятников (Волков, 1967:34-48,80-87), осуществлена детальная типологическая классификация многочисленных случайных находок (Волков, 1967:48-69; 1962: 18-26; 1964:176-180). В.В. Волков впервые высказал однозначное мнение о том, что плиточные могилы, несмотря на наличие в них бронзовых изделий, эпохально относятся не к бронзовому, а раннему железному веку (Волков, 1967: 34). В те годы многие исследователи, датируя эти памятники скифским временем, тем не менее, исходя из широкого распространения в них изделий из бронзы, с одной стороны, и относительно редких находок предметов из железа, с другой, относили их к эпохе бронзы (см. выше). Наиболее ярко такое понимание проблемы, по существу, ошибочное, проявилось в работах Н.Н. Дикова, М.И. Рижского и др.

Анализ погребальных памятников, подъемных материалов, в том числе керамических, а также наскальных рисунков позволил В.В. Волкову сформулировать вывод о делении территории Монголии в скифское время на две культурные зоны: западную и восточную, граница между которыми проходила по Котловине Больших озер (Волков, 1967: 48, 87, рис. 11). Восточная зона была представлена плиточными могилами и петроглифами, нанесенными охрой. Ее население в антропологическом отношении характеризовалось монголоидными особенностями (Там же: 34-43, 48, 80-83, 87, 95, 102-107). Западная культурная зона локализовалась в северо-западной части страны и характеризовалась распространением памятников саяно-алтайских типов - каменными курганами круглой или квадратной в основании формы, а также херексурами. Под ними на древнем горизонте располагались каменные ящики или цисты, внутри на горизонте или в неглубокой яме на правом или левом боку с подогнутыми ногами помещались умершие, ориентированные головой на запад или северо-запад. Сопроводительные предметы, как правило, отсутствовали. Для этой зоны были характерны петроглифы саяно-алтайского и среднеазиатского типа. Население было европеоидным с небольшой примесью монголоидности (Там же: 46-47,84-87). Исследователь высказал предварительные оценки этнической привязки населения выделенных культурных зон и высказался в пользу монголоязычной принадлежности населения культуры плиточных могил и тюркоязычности населения западной зоны (Волков, 1967: 103-107). Выводы В.В. Волкова о делении территории Монголии в эпоху раннего железа на этнокультурные зоны имели принципиально важное значение для изучения древней истории северной части Центральной Азии.

Относительно датировки херексуров В.В. Волков высказался об отнесении по крайней мере части из них к I тыс. до н.э. (Волков, 1967:46). В то же время он

отметил, что курганы с цистами известны и в центральной Монголии в верховьях Орхона по Толе, Амару, Тамиру и далее на север в Забайкалье, где распространены плиточные могилы, что ставило вопрос об их культурном и хронологическом соотношении (Там же: 47). Однако этот очень важный вопрос так и остался открытым.

В.В. Волков, решая проблему о происхождении археологических культур выделенных им зон, высказал предположение о сложении культуры плиточных могил на основе одной или нескольких родственных культур, близких карасукской (Волков, 1967:44). В то же время он подверг справедливой критике точку зрения В. Е. Ларичева о происхождении культуры плиточных могил в результате продвижения населения из Северо-Восточного Китая - Дунбэя (Там же: 44). Отмечая единокультурность монгольских и тувинских курганов с цистами (Там же: 46-47), В.В. Волков, тем не менее, предполагал приток в скифское время нового населения в западные районы Монголии из Казахстана или Средней Азии и, возможно, Алтая (Там же: 95-96).

Специальный раздел в монографии В. В. Волков посвятил оленным камням. Он отметил их широкое распространение на территории Монголии и связь с разными культурами: плиточных могил, культурами западной зоны Монголии, уюкской Тувы (Волков, 1967: 69). Исследователь выделил по стилю изображений три группы памятников: 1) стелы с натуралистически выполненными изображениями оленей; 2) камни с орнаментально стилизованными оленями, где морда изображена в виде птичьего клюва; 3) стелы без фигурок животных, но со всеми другими атрибутами, присущими оленным камням (Волков, 1967: 70). Нетрудно заметить, что первые два типа представляют собой группы изваяний, выделенные Н.Н. Диковым, что объясняется одинаковой основой классификаций. Первая группа изваяний была датирована VI в. до н.э., вторая группа - V-III вв. до н.э. (Там же: 71, 75, 80). Время существования третьей группы оленных камней осталось невыясненным.

Итак, в конце 1950 - середине 60 гг. Н.Н. Диков и В.В. Волков проанализировали, ввели в научный оборот и обобщили практически всю совокупность имеющихся на тот момент материалов по бронзовому и раннему железному векам Забайкалья и Монголии. С выходом их монографий завершился корупный этап в исследовании этих эпох северной части Центральной Азии. В целом они провели большую работу и подвели итоги исследованиям ученых дореволюционного и советского времени. По сложившимся на тот момент представлениям датировка бронзового и раннего железного веков в Забайкалье и Монголии сильно различалась. По мнению Н.Н. Дикова в Забайкалье период ранней бронзы датировался концом II тыс. до н.э., средней бронзы - X-VIII вв. до н.э., а поздней бронзы - VII-II вв. до н.э. Со II в. до н.э. после появления хуннских памятников начинался ранний железный век (Диков, 1958: 53-57, 69). В результате скифское время (VII-III вв. до н.э.) входило в хронологические рамки бронзового века, с чем вряд ли можно согласиться.

Это положение устранил В.В. Волков, создав периодизацию бронзового и раннего железного веков Монголии, которую синхронизировал, но не полностью, с южносибирской хроностратиграфией (Волков, 1967: 9, 12, 34-35, 45-48). Вместе с тем оба исследователя, характеризуя культуру плиточных могил Монголии и Забайкалья, не смогли избежать одного недостатка, о чем нам уже приходилось писать (Цыбиктаров, 1997: П, 14; 1998:11-13). В их работах дана чрезмерно общая и в основном количественная характеристика материалов раскопок этих памятников без четкой классификации и типологии инвентаря (Диков, 1958:28-31,94-105; Волков, 1967:41-43), хотя на момент выхода монографии Н.Н. Диков располагал материалами раскопок 250 плиточных могил (Диков, 1958:25), а В. В. Волков, с учетом забайкальских, - около 300 (Волков, 1967: 41). Подводя итоги результатам изучения эпох бронзы и раннего железа Южного Забайкалья и Монголии, достигнутым к середине 1960-ых гг., следует отметить, что обобщения Н.Н. Дикова и В. В. Волкова были бы невозможны без исследований Г.И. Боровко, Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова и С.В. Киселева. Оба исследователя творчески использовали их опыт и, в свою очередь, обогатили его результатами своих исследований.

Итоги развития сибирской археологии были подведены в I томе «Истории Сибири» (1968). В разделе главы по эпохе бронзы очерк по Забайкалью, написанный М.И. Рижским, был основан на выводах А.П. Окладникова и, Н.Н. Дикова. Однако начало бронзового века было удревнено до раннеглазковского времени, т.е. XVIII в. до н.э. Но конец его по-прежнему определялся III-начало II вв. до н.э., когда плиточные могилы сменялись памятниками хунну (История Сибири, 1968: 211-218). В небольших статьях, написанных для энциклопедических изданий, Л.А. Евтюхова отнесла плиточные могилы к памятникам скифского времени (Евтюхова, 1968,1975).

Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Номадизм и оседлость: адаптация древнего и средневекового населения севера Центральной Азии»

Литература

Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. II. - Л.: Изд-во АН СССР, 1927. - С. 43-88.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Карасукские привески из Монго-лии//СА-1960.-№4.-С. 155-160.

Волков В.В. Бронзовый кинжал из Гоби // СА - 1961.-№4.-С. 260-262.

Волков В.В. Бронзовые наконечники стрел из музеев Монголии // Монгольский археологический сборник. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - С. 18-26.

Волков В.В. Бронзовые кельты из музеев Монгольской народной республики // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. - М.: Наука, 1964.-С. 176-180.

Волков В.В. К изучению бронзового века Монголии // К вопросу древнейшей истории

Монголии. - Studia archeologica. - Улаанбаатар, 1964. - t. 3, fasc. 8 -10. - Улаанбаатар, 1964. - С. 25-93.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. - Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967.-148 с.

Герасимов М.М. Река Селенга и Белая // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.-С. 318-321.

Грязное М.П. Бронзовый кинжал с озера Котокель // Бурятияведение. - 1929. - I-II (9-10). - Верхнеудинск. - С. 136-141.

Грязное М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Каза-хстане // СА -1952. - Т. XVI. - С. 129-162.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. - ТИЭ. Нов. сер. - Т. IV. - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 392 с.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. - Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1958. -108 с.

Евтюхова Л.А., Терехова Н.Н. Плиточные могилы Кондуйскойдо-лины//МИА. -1965. -№ 130. -М.: Наука. -С. 244-248.

Евтюхова Л.А. Плиточные могилы // Советская историческая энциклопедия. - М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. - Т. II - С. 224.

Евтюхова Л.А. Плиточные могилы // БСЭ. - 3-е изд. - М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1975. - Т. 20 - С. 35.

Киселев С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. -1947. - Т. IV, Вып. 4. - С. 355-372.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - МИА. -1949. - № 9. - М-Л.: Изд-во АН СССР. - 364 с.

Киселев С.В. Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской народной республики. -М.: Изд-во АН СССР, 1954.-Гл. 2.-С. 46-51.

Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. -1950. - Вып. 32. - С. 125-136.

Кызласов Л.Р. Древнейшая история Монголии по археологическим данным // БСЭ. - 2-е изд. - Т. 28. - М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1954. - С. 206-207.

Кызласов Л.Р. Плиточные могилы // БСЭ - 2-е изд. - Т. 33. - М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1955. - С. 259.

Кызласов Л.Р. О городе гуннского наместника на р. Ташебе // Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. - Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. - С. 45-64.

Ларичев В.Е. Древние культуры Северного Китая // Труды Даль-невосточного филиала СО АН СССР. Сер. ист. -1959. - Т. 1. - Саранск. - С. 75-95.

Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил За-байкалья //Археологический сборник. - Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1959а. - Т. I. - С. 63 -73.

Ларичев В.Е. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Автореф. дис.... канд. ист. наук. - Л., 1960.-23 с.

Ларичев В.Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая//СА -1961. -№ 1. -С. 3-25.

Миллер Г.Ф. История Сибири. - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1937.-607 с.

- Окладников А.П.** Краткий отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции летом 1947 г. // Записки Бурят-Монгольского НИИКЭ. - 1948. - Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во. - Вып. 8. - С. 106-115.
- Окладников А.П.** Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР // История и культура Бурятии. - Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1976. - С. 297-301.
- Окладников А.П.** О раскопках в долине р. Селенги летом 1947 г. // Записки Бурят-Монгольского НИИКЭ. - 1950. - Вып. 10. - Улан-Удэ. - С. 61-94.
- Окладников А.П.** Археологические исследования в низовьях реки Селенги // История и культура Бурятии. - Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1976. - С. 302-306.
- Окладников А.П.** Археологические исследования в Бурят-Монголии // История и культура Бурятии. - Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1976а. - С. 315-329.
- Окладников А.П.** Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монгольской АССР // История Бурят-Монгольской АССР. - Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1954. - Т. 1. - С. 9-48.
- Окладников А.П.** Олений камень с р. Иволги // СА - 1954а. - Т. XIX. - С. 207-220.
- Окладников А.П.** Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят // СЭ - 1954б. - № 1. - С. 150-153.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. Ш Глазковская культура. - МИА. - 1955. - № 43. - М.-Л.: Изд-во АН СССР. - 374 с.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР. Изд. 2-е. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955а. - Т. 1. - 432 с.
- Окладников А.П.** Древнее население Сибири и его культура // Народы Сибири. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956б. - С. 21-107.
- Окладников А.П.** Триподы за Байкалом // СА - 1959. - № 3. - С. 114-132.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. - Л.: Наука, Ленинград, отделение, 1969. - 4.1. - 220 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. - Л.: Наука, Ленинград, отделение, 1970. - 4.2. - 264 с.
- Попов А.В.** Находка меднобронзовой гробничной культуры в Забайкалье // Известия ВСОРГО. - 1923. - Т. 51. - С. 158-159.
- Потанин Г.Н.** Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. - М., 1885. - Т. X. - С. 50-57.
- Рижский М.И., Чубарова Р.В.** Отчет о полевых исследованиях Верхнеамурского отряда Дальневосточной экспедиции ИИМК АН СССР летом 1956 г. // Уч. записки Читан. ГПИ. - 1956. - Вып. 3. - Чита. - С. 401-408.
- Рижский М.И.** Бронзовый век Забайкалья // История Сибири. - Л.: Наука, Ленинград, отделение, 1968. - Т. 1. - С. 211-218.
- Савинов Д.Г.** Проблема оленных камней (в историографическом аспекте) // История археологических исследований Сибири. - Омск: Изд-во ОмГУ. - С. 106-133.
- Сосновский Г.П.** Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР в 1928 г. // Бурятведение. - 1928 - № 4. - С. 162-166.
- Сосновский Г.П.** Археологическая Бурят-Монгольская экспедиция // Отчет о деятельности Академии наук за 1929 год. - Л.: Изд-во АН СССР, 1930. - Вып. 2. - С. 153-155.
- Сосновский Г.П.** Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье // Известия ГАИМК. - 1933. - Вып. 100. - С. 210-222.
- Сосновский Г.П.** К истории добычи олова на востоке СССР // Проблемы истории материальной культуры. - 193 За. - № 9-10. - С. 15-19.
- Сосновский Г.П.** Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда АН СССР в 1928-1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. - С. 318-321.
- Сосновский Г.П.** Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. - 1940. - Вып. VIII. - С. 36-42.
- Сосновский Г.П.** Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. - 1941. - Т. I. - С. 273-309.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. // Труды ТКО ПО РГО. - 1898. - Т. 1, вып. 3. - С. 35-76.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Древние обитатели Центральной Азии // Труды ТКО ПО РГО. - 1899а. - Т. 2. Вып. 1-2. - М.-С. 61-76.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Население древних могил и кладбищ Забайкальских. - Верхнеудинск, 1928. - 13 с.
- Хамзина Е.А.** Новые находки бронзовых изделий в Забайкалье // Науч. конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тез. докладов и сообщений. - Иркутск, 1960. - С. 72-73.
- Хороших П.П.** Исследования каменного и железного века Иркутского края // Известия Биологического графического научно-исследовательского института при Гос. Иркутском университете. - 1924. - Т. 1, вып. 1. - 51 с.
- Цыбиктаров А.Д.** История исследования культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья (XVIII в. - конец 80-х годов XX в.). - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. - 38 с.
- Grao J.G.** Archeologische Beobachtungen von meiner in Sud Sibirien und der Nord-Westmongolei in Janre 1909 // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. - XXVIII. - Helsingfors.
- Материалы государственных архивных учреждений**
- Букинич Д.Д.,** 1933. Дневник поездки в падь Арцын-гол для археологических раскопок. 1933 г., август. - Архив С.В. Киселева. Архив ИА РАН. Ф - 12, № 152. Л. 85-96.
- Букинич Д.Д.** Краткий предварительный отчет археологической партии Орхонской экспедиции. - Архив С. В. Киселева. Архив ИА РАН. Ф - 12, № 152. Л. 115-128.
- Букинич Д.Д.,** 1933-1934. Общий отчет по археологическим работам 1933 и 1934 гг. Архив С. В. Киселева. Архив ИА РАН. Ф - 12, № 152. Л. 129-161.

Букинич Д.Д. Маршрут Цаган-Байшин - Улан-Батор. - Архив С. В. Киселева. Архив ИА РАН. Ф - 12. № 152. Л. 162-168.

Букинич Д.Д. Дневник разведок и раскопок на обратном пути от Эрдэни-Цзу до Улан-Батора. - Архив С.В.Киселева. Архив ИА РАН. Ф-12. № 152. Л. 169-178.

Рыгдылон Э.Р., 1936. Археологические разведки в Бурят-Монголии ле-том 1936 г. - Архив Г. П. Сосновского. Архив ИИМК РАН. Ф - 42. № 397.

Сергеев Г.П., 1936. Селенгинская археологическая экспедиция 1935-1936 гг. Отчет. Ч. 1. Хранится в фондах Музея истории Бурятии, г. Улан-Удэ. Инв. № 2969.

Сосновский Г.П. Херексуры. Материалы. - Архив Г. П. Сосновского. Архив ИИМК РАН. Ф - 42. № 256.

Summary

The article represents the study of the Bronze and Iron Ages of the Central Asia, done by Russian and Mon-

golian researches in the period from 1920s - mid 1960s. It's peculiar that in Russian and foreign historiography the period under study is displayed for the first time within the research limits of Southern Transbaikal region and Mongolia, not isolated.

Valuable contribution to the research of the various monuments' chronological study, peculiar of the ages, made by G.I. Borovko, G.B. Sosnovskiy, A.P. Okladnikov, S.V. Kiselev, L.R. Kizlasov, N.N. Didikov, V. V. Volkov, M.I. Rizhskiy and other researches is characterized in the article. The monuments of the ages under study are slab and shaped tombs, hereskurs, petroglyphs and settlements. As a result, in the article the evolution of humane notion concerning the Bronze and early Iron Ages in the north of the Central Asia in the period from the 20s till the mid 60s of the XXth century is presented..